

Татьяна Николаевна Лаптева

кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архива Российской академии наук,
доцент Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: lapti-stv@yandex.ru

Ботанический институт АН СССР во второй половине 1930-х годов как социальный феномен

УДК: 930.85

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-61-76

Исследуются социальные характеристики коллектива Ботанического института Академии наук СССР во второй половине 1930-х гг. Применены статистические методы для изучения данных кадрового делопроизводства АН СССР, а также традиционные методы исторического исследования. Цель состоит в рассмотрении самого крупного научного академического института как социального феномена, описании его социального, половозрастного состава, уровня квалификации, происхождения, партийности сотрудников, пропорций научного и вспомогательного персонала и др. Основным источником послужили детализированные списки коллектива Ботанического института, ежегодно предоставляемые в отдел кадров Академии наук, а также материалы официального делопроизводства и мемуарные источники. Показаны ход реализации и результаты государственной кадровой политики в области науки, охарактеризованы существовавшие в штате института общности, описан процесс формирования образа советского научного коллектива. Показано, каким образом на коллективе института отразились процессы феминизации и урбанизации, репрессии и демографические кризисы эпохи. Преимущественное внимание уделено научной части коллектива, также показаны социальные характеристики научно-вспомогательного и административно-хозяйственного персонала. Установлено, что в середине 1930-х гг. ученые старшего поколения и молодые исследователи существенно отличались друг от друга по всем основным социальным характеристикам, а к концу десятилетия различия между ними были в значительной степени нивелированы.

Ключевые слова: социальная история науки, АН СССР, Ботанический институт, научный коллектив, научный институт, научный сотрудник, научно-вспомогательный персонал, исследователи, социальная группа.

В середине 1930-х гг. Ботанический институт — самое крупное научное учреждение Академии наук СССР. Советское государство еще не вступило в гонку

вооружений, только закладываются основы ядерной физики и еще очень далеко до проведения космических исследований, ставших впоследствии флагманом мировой науки; биология занимает одно из центральных мест в научных приоритетах советского государства, что косвенно подтверждается избранием на пост Президента АН СССР в 1936 г. ботаника В.Л. Комарова.

В эти годы происходит важный процесс — вступление в общественную жизнь нового поколения специалистов — выпускников вузов и аспирантуры, не помнящих никакой другой реальности, кроме советской. Власть получила возможность замещать должности лояльными специалистами. В 1935 г. в АН СССР был усилен кадровый контроль, учет и утверждение сотрудников в научных и руководящих должностях перешли из учреждений в общеакадемический отдел кадров, директора институтов могли принимать на работу только начинающих ученых (научных сотрудников 1-го и 2-го разрядов), технический и обслуживающий персонал, но не крупных профильных специалистов¹. Ежегодно в отдел кадров подавались подробные списки коллективов, ежемесячно предоставлялись сведения о приеме, увольнении и перемещении сотрудников.

В Ботаническом институте в это время работал великолепный коллектив. Наряду с крупными признанными учеными, такими как И.В. Палибин, В.Г. Траншель, Б.А. Федченко, Д.Э. Янишевский, В.Н. Любименко, Н.А. и Е.А. Буш, работали их молодые коллеги: на должности лаборанта — студентка, в будущем доктор наук А.М. Семенова-Тян-Шанская, на должности специалиста, затем старшего научного сотрудника — крупнейший в мире, а в рассматриваемое время перспективный 30-летний ученый-миколог Рольф Зингер; путь от научного сотрудника 1-го разряда до старшего научного сотрудника прошел начинающий альголог В.И. Полянский, сделавший позже значительный вклад в развитие исследований БИНа; А.П. Шенников, А.А. Федоров, Е.М. Лавренко вели исследования, которые в 1940–1960-е гг. привели их к членству в АН СССР.

Задача настоящей статьи — рассмотреть коллектив с точки зрения его социальных характеристик — происхождения, членства в партии, уровня квалификации, возраста, пола, пропорций вспомогательного и научного состава.

В целом социальная ситуация в Ботаническом институте выглядела следующим образом. На 15 июня 1936 г. в нем работали 389 сотрудников, включая персонал, обслуживавший действующие при институте детский сад и общежитие. Научные должности занимали 110², научно-вспомогательные — 122³, административно-тех-

¹ Инструкция по учету личного состава в учреждениях Академии наук СССР, действующая с 1 марта 1936 г. (утверждена 10 марта 1936 г.) // Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 411. Оп. 1 (1936). Д. 1. Л. 7–9; Д. 7. Л. 11.

² В рамках настоящего исследования к категории «научных» сотрудники отнесены не по формальному признаку, а по существу отношения к исследовательскому процессу, таким образом, под ними подразумеваются директор, его заместители, ученый секретарь, старшие специалисты и специалисты, научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов, старшие и младшие научные сотрудники, научные работники, а также аспиранты-докторанты.

³ Научно-вспомогательный персонал Ботанического института состоял из садоводов, лаборантов, препараторов, заведующих оранжереями, садовых рабочих, а также художников, чертежников и экскурсоводов.

нические — 158⁴ человек⁵. Численность штата постоянно росла и к 1939 г. достигла 479 человек (ученые — 123, научно-вспомогательный персонал — 152, административно-технический — 204)⁶, т. е. каждая группа численно возросла, но рост числа сотрудников, не связанных напрямую с получением научного знания, был наибольшим, а исследователей — наименьшим. Этот процесс косвенно оказал влияние и на другие характеристики, например, на обобщенную картину социального происхождения и образования.

В институте трудились выходцы из всех сословий и классов дореволюционной России. Коллектив был в значительной степени рабоче-крестьянским, представители бывших привилегированных сословий оказались в явном меньшинстве. Почти половину штатного состава (49%) составляли бывшие крестьяне, за ними по численности следовали почти в равном количестве рабочие, мещане, дворяне и служащие (10%, 10%, 9% и 8% соответственно), по 4% было выходцев из семей почетных граждан и чиновников, по 2% — из духовенства и военных, 2% — прочие. К концу десятилетия состав стал еще более «пролетарским», в том числе за счет неравномерного распределения ставок по группам и естественной смены по возрасту.

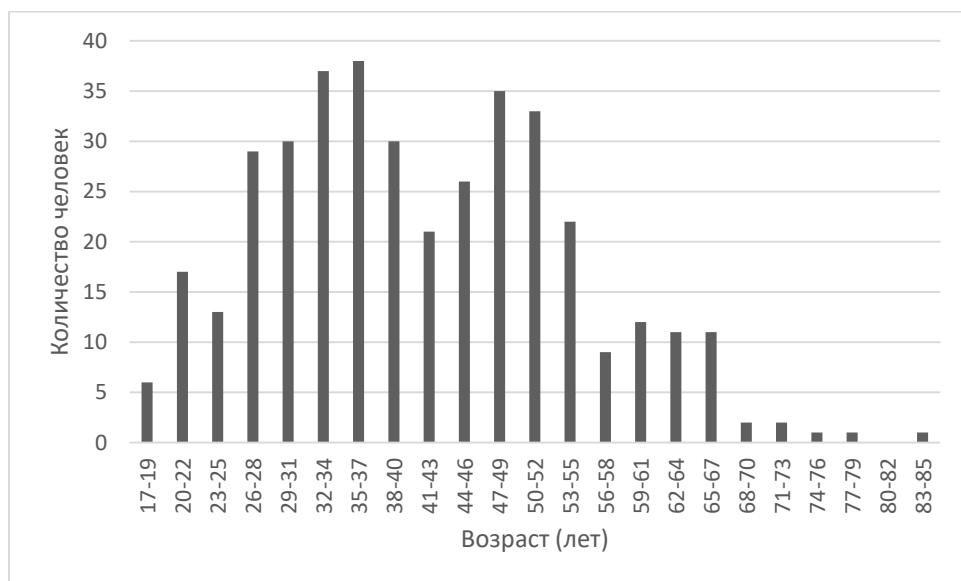

Рис. 1. Численность сотрудников Ботанического института АН СССР по возрастам. 1936 г.

Fig. 1. The number of employees of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences by age. 1936

⁴ Имеются в виду сотрудники, не связанные с производством научного знания: бухгалтеры, машинистки, работники канцелярии и комендатуры, транспортного отдела, кочегары, уборщики, кровельщики, водопроводчики, пожарные и т. д.

⁵ Список сотрудников Ботанического института // Архив РАН. Ф. 411. Оп. 11 (1936). Д. 3. Л. 9–15.

⁶ Список сотрудников Ботанического института // Архив РАН. Ф. 411. Оп. 11 (1939). Д. 5. Л. 54–85.

Столь же пестрой была география происхождения коллектива, включающего выходцев из более чем 50 регионов. Садовые рабочие приезжали преимущественно из близлежащих областей (Ленинградской, Тверской (в те годы Калининской) и Смоленской (Западной), Новгородской и из Белоруссии), ученые — из всех регионов бывшей Российской империи, включая Эстляндию, Лифляндию, Финляндию и Польшу. При этом уроженцы Ленинграда и Ленинградской области не составляли даже половины (139 чел. из 479)⁷. Средний возраст сотрудников составлял 40 лет (от 17 до 79), уровень квалификации — от неграмотного до академика.

Характеристики отдельных общностей в составе института существенно отличались от средних. Так, в 1936 г. в категории «ученые» большинство составляли выходцы из традиционно образованных сред (дворян, духовенства и служащих), а суммарная доля рабочих и крестьян не превышала 17%.

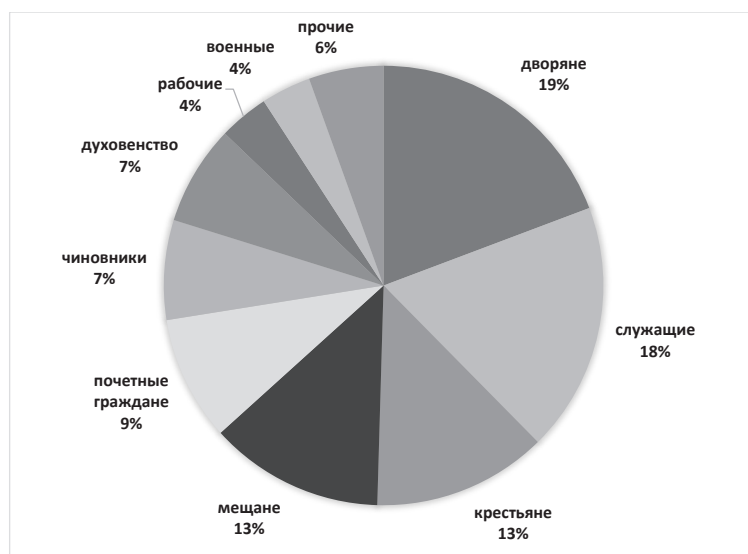

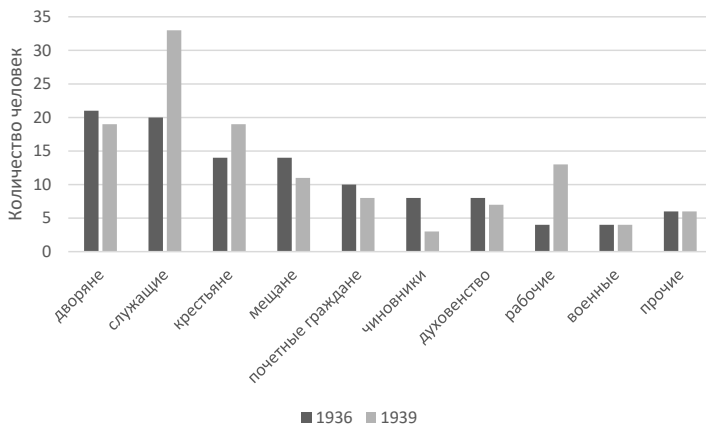
Рис. 2. Социальное происхождение научной части коллектива Ботанического института АН СССР. 1936 г.

Fig. 2. Social origin of scientists of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences. 1936

Одной из целей кадровой политики Академии наук было «улучшение» личного состава, в том числе его «орабочивание»⁸ — к 1939 г. число ученых из этой социальной группы возросло вдвое, также увеличилось количество исследователей из среды крестьян и служащих, и если резкий рост числа последних имеет причиной не только прием новых сотрудников, но и изменения в правилах определения происхождения, то увеличение доли «рабочих» и «крестьян» связано исключительно с поступлением в штат новых людей.

⁷ По данным 1939 г.

⁸ Положение о Группе кадров Секретариата Академии наук СССР. П. 3-е. 1935 г. // Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1 (1935). Д. 1. Л. 1.

Рис. 3. Динамика прироста выходцев из разных социальных групп среди ученых Ботанического института АН СССР

Fig. 3. The growth of immigrants from different social groups among scientists of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences

Институт стремительно обновлял кадры. За три года сменилась треть научного коллектива. Уволенные в 1936–1939 гг. 32 исследователя были преимущественно средних лет из среды мещан, дворян и почетных граждан.

Научный коллектив института был молодым. Зрелым, маститым ученым мог считаться уже тот, кто перешагнул 56-летний рубеж (в 1936 г. таковых было менее 10%). Все они без исключения имели докторскую степень или звание профессора, полученные еще до революции, а некоторые даже успели достичь членства в Российской академии наук до ее переименования в АН СССР⁹. В этой группе не было ни одного члена партии, зато почти все имели непролетарское происхождение¹⁰. Это были осколки старой профессуры, родившиеся в разных частях империи, представители разных национальностей, выпускники разных университетов. Должность, в которой они работали, имела наименование «старший специалист» — наиболее близким по значению сегодня можно назвать пост главного или ведущего научного сотрудника.

Из их более молодых коллег (в 1936 г. ученых в группах 46–50 и 51–55 лет в совокупности насчитывался 31 чел.) пролетарским происхождением могли похвастаться лишь трое, остальные происходили из разнообразной среды с большим преобладанием дворян¹¹. В этих группах уже встречаются те, кто вступил в ВКП(б) или состоял кандидатом в партию, а вот степень доктора была не у всех (докторами наук были 11 чел., кандидатами — 14).

Пограничная и самая малочисленная группа по возрасту — ученые 40–45 лет (в 1936 г. всего восемь человек, 40- и 41-летних нет). Из них один — доктор наук, два

⁹ Имеются в виду члены-корреспонденты Российской академии наук В.Н. Любименко и Н.А. Буш.

¹⁰ Лишь один сотрудник был выходцем из крестьян, пять — из дворян, двое — из чиновников, еще двое — дети военного инженера и владельца типографии.

¹¹ Из дворян — 11 человек, по 3 — из мещан и почетных граждан; по 2 — из духовенства, купцов, чиновников, судебных деятелей, служащих и крестьян, один из рабочих, один сын офицера.

сотрудника без степени, два с отложенной степенью, один — представлен к степени кандидата. Все происходили из образованной среды¹². Членов партии не было. Малочисленность лиц этого возраста характерна для всего коллектива, среди ненаучных сотрудников она еще более выражена, чем среди ученых¹³. Это положение совершенно сохранялось и в 1939 г., когда в штате не было ученых 1895–1896 гг. рожд., ни мужчин, ни женщин. Поскольку население Российской империи в конце XIX в. стабильно и существенно прирастало, причину этой демографической диспропорции следует искать в крупных людских потерях начала XX в., в первую очередь — в I мировой и последовавшей за ней Гражданской войнах (это поколение застало 1914 г. в возрасте 18–19 лет), а также с выбором ненаучной жизненной траектории в связи со сложностью обучения в университете в это время [Змеев, Карпекин, 2002, с. 149].

Социальные характеристики младших коллег заметно отличались от свойств лиц перечисленных выше возрастных групп¹⁴. Ниже представлены диаграммы социального происхождения ученых старше и моложе 40 лет по состоянию на 1936 г.¹⁵

Рис. 4. Социальное происхождение ученых старше 40 лет. 1936 г.

Fig. 4. Social origin of scientists over 40 years old. 1936

¹² Четверо происходили из семей дворян (личных и потомственных), двое — дети духовенства, еще двое — из семей инженеров.

¹³ По закону распределения вероятностей число сотрудников этого возраста должно быть больше, чем любого другого, на рисунке 1 «Численность сотрудников Ботанического института АН СССР по возрастам» можно видеть график, в общих чертах напоминающий диаграмму нормального распределения с большим недостатком сотрудников именно этой возрастной группы.

¹⁴ В группе 35–39 лет (24 чел.): 9 из служащих, 5 из почетных граждан, 4 из крестьян, 3 из мещан, 2 из дворян, 1 из духовенства.

В группе 30–34 года (19 чел.): 5 из служащих, 4 из крестьян, 3 из мещан, по 2 человека из духовенства и чиновничества, по 1 — из рабочих, дворян и почетных граждан.

В группе моложе 30 лет (16 чел.): 4 из мещан, 3 из крестьян, по 2 человека из рабочих, служащих, дворян и почетных граждан, 1 из духовенства.

¹⁵ На основе анализа Списков научных сотрудников Ботанического института АН СССР // Архив РАН. Ф. 411. Оп. 11 (1936). Д. 3. Л. 9–15.

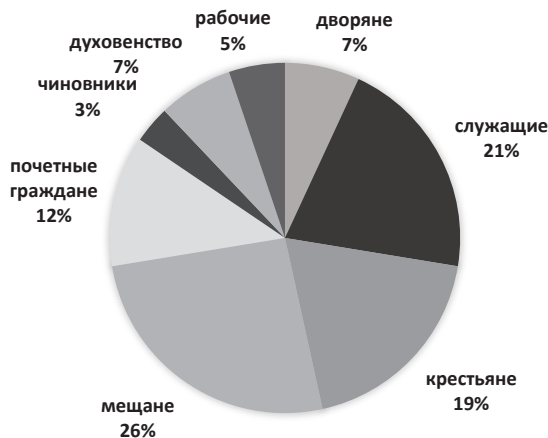

Рис. 5. Социальное происхождение ученых моложе 40 лет. 1936 г.
Fig. 5. Social origin of scientists younger than 40 years. 1936

После принятия Постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об ученых степенях и званиях»¹⁶ институтская научная молодежь быстро начала обзаводиться степенями. Самому молодому кандидату наук в БИНе в 1936 г. было 28 лет, а в возрасте 30–40 лет степень кандидата имели уже 40% ученых. Чаще всего молодые люди занимали должность научного сотрудника 1-го разряда — эквивалент современного младшего научного сотрудника; получившие степень могли рассчитывать на пост специалиста (наиболее близкий современный аналог — старший научный сотрудник).

В отличие от старших коллег, которые к большевизму относились настороженно и почти не вступали в партию, в категории ученых до 30 лет (в 1936 г. это 18 чел., которым на момент установления советской власти было менее 12 лет) половина состояла в ВЛКСМ или ВКП(б). Для сравнения — в группе 31–39-летних (41 чел.) было всего два члена ВЛКСМ и не было членов партии.

Среди научно-вспомогательного персонала преимущественную долю составляли уроженцы социальных групп, для которых не свойственен высокий уровень образования — почти три четверти происходили из среды рабочих, крестьян и мещан. В течение второй половины 1930-х гг. доля выходцев из крестьян, рабочих, а также из служащих возрастала, доля крестьян, и прежде преобладающая, превысила 50%. Чаще на этих должностях работали женщины. В 1936 г., при общем числе научно-вспомогательных сотрудников 122 чел., женщин было 84, а мужчин только 38. К 1939 г. доля женщин увеличилась до 112 чел., мужчин — до 40. Средний возраст был на уровне среднего по коллективу — 39 лет (от 17 до 70)¹⁷. Схожими свойствами обладали и административно-технические сотрудники, не связанные с исследованиями непосредственно.

¹⁶ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО. 26 января 1934. № 3. С. 63–66.

¹⁷ По данным 1936 г.

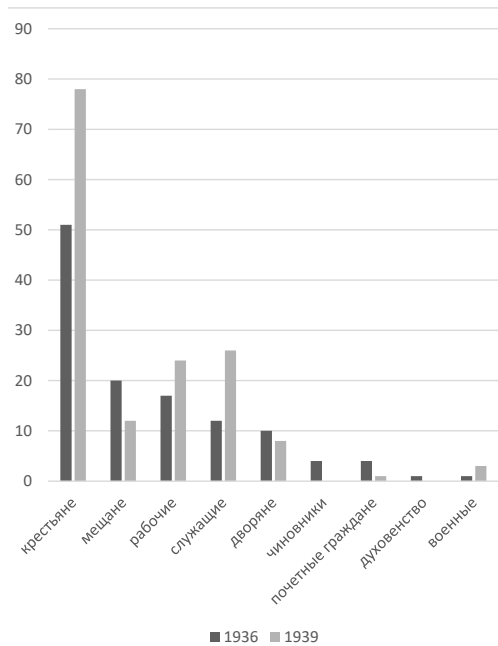

Рис. 6. Динамика прироста выходцев из разных социальных групп среди научно-вспомогательного персонала

Fig. 6. The growth in the number of people from different social groups among the scientific support staff

Путь укрепления позиции ВКП(б) в Ботаническом институте был труден. Большинство ученых были аполитичны, и, хотя в 1917 г. некоторых захватили революционные настроения, первоначально коммунисты симпатией не пользовались¹⁸. К 1936 г. из 109 ученых 95 были беспартийными (87%), что совпадало с общим процентом по коллективу. К 1939 г. общий процент остался практически неизменным, а в среде ученых партийность выросла с 13 до 18%.

Для середины десятилетия характерна прочная обратная связь между членством в партии и наличием ученой степени. В 1936 г. из 20 докторов наук один лишь В.П. Савич¹⁹ был кандидатом в члены партии, а среди кандидатов наук не было ни одного члена ВКП(б) или ВЛКСМ²⁰. К 1939 г. количество коммунистов растет — заведующий сектором общего гербария Р.Ю. Рожевиц становится вторым кандидатом в члены ВКП(б) из числа докторов наук, появляются коммунисты и среди

¹⁸ Согласно воспоминаниям сотрудника БИНа Н.В. Шипчинского, в первые годы советской власти коллектив крайне враждебно принимал новости о вступлении в ВКП(б) сотрудников института и о назначении на руководящие должности коммунистов. См.: Шипчинский Н.В. Воспоминания по революционной истории БИНа. Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии Д.В. Гельтмана, М.П. Андреева // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 74–89.

¹⁹ Заместитель директора Всеволод Павлович Савич был одним из инициаторов слияния Ботанического сада и Ботанического музея, в результате которого и был основан Ботанический институт Академии наук.

²⁰ Рольф Альбертович Зингер состоял членом Австрийской коммунистической партии.

кандидатов. Этот рост обусловлен не сменой настроений в коллективе, а приобретением сотрудниками — членами партии и ВЛКСМ ученых степеней, а также приемом на работу новых остепененных сотрудников-коммунистов.

Иерархия должностей в середине десятилетия в полной мере демонстрировала разделение коллектива на ученых «старой» и «новой» школы. Крупные, признанные ученые и их коллеги среднего возраста имели непролетарское происхождение и массовой симпатии к правящей партии не выказывали, а идеологически правильно ориентированная научная молодежь еще не заняла сколько-нибудь значимого положения. В 1936 г. для научных кадров была введена новая сетка должностей, которая случайно или намеренно скорректировала это положение.

Высшей должностью, не связанной с переходом на руководящую работу, стал пост старшего научного сотрудника, который смешал в своих рядах действительно признанных крупных ученых и кандидатов наук. К 1939 г. на эту должность были переведены 67 чел.²¹, из которых двое не имели ученых степеней, а семеро — опубликованных научных трудов. До реформы эти исследователи занимали положение от научного сотрудника 2-го разряда до старшего специалиста — т. е. от стартового до высшего. Членов партии и комсомольцев на новой должности оказалось семь человек (почти 10%).

В отдельную общность были выделены заведующие отделами и секторами, прежде в статистических документах учтенные как старшие специалисты. Все 18 чел. без исключения были докторами наук, их средний возраст составлял 56 лет (от 39 до 71), двое состояли кандидатами в ВКП(б).

Младшими научными сотрудниками стали бывшие лаборанты и научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов, а также молодое научное пополнение. Всего к 1939 г. в штате было 24 младших научных сотрудника, лишь половина из них имела научные труды, членами ВКП(б) и ВЛКСМ, кандидатами в партию были шесть человек.

Изменение сетки научных должностей придало конгломерации ученых нужные советскому правительству усредненные социальные характеристики. Они в гораздо большей степени соответствовали формируемому в общественном сознании образу пролетарского ученого. Таким образом путем размывания границ прежних общностей ярко выраженная группа ученых так называемой старой школы была ликвидирована.

С точки зрения социальной истории науки важно отметить процесс феминизации как одну из особенных черт рассматриваемого периода.

Еще до революции и до создания БИНа в его предшественниках, Ботаническом саду и Ботаническом музее, работали женщины-исследователи, участницы ботанических экспедиций: В.А. Бриллиант-Лерман, Е.А. Буш, В.Л. Некрасова, О.Э. Неуструева-Кнорринг, Л.И. Савич-Любицкая, Е.Г. Черняковская-Рейнеке и другие, продолжавшие трудиться и в рассматриваемое время. Еще больше было женщин среди вспомогательных работников. В 1936 г. общее число женщин в объединенном Ботаническом институте составляло 155, в 1939 г. — 235 чел., что соответствовало сначала 39,7%, затем 49% коллектива. В научной части этот процент был несколько ниже: в 1936 г. работали 38 женщин-ученых (34%), в 1939 г. — 46 (37%). Распределение мужчин и женщин по возрастным группам показано на диаграмме.

²¹ Еще трое сотрудников работали на должности и. о. старшего научного сотрудника, они не имели ни ученых степеней, ни научных трудов.

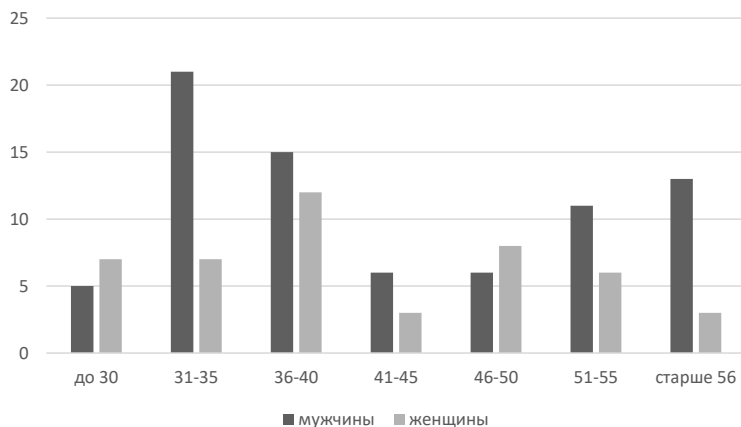

Рис. 7. Численность научных кадров по полу и возрасту. 1939 г.
Fig. 7. The number of scientific personnel by gender and age. 1939

Будучи по среднему возрасту немногим моложе мужчин, по статусному положению женщины существенно им уступали: в 1936 г. среди старших специалистов из 24 чел. была всего одна женщина, среди специалистов — 7 (из 23), научных сотрудников 1-го разряда — 18 (из 35), 2-го разряда — 4 (из 6). В этом смысле положение дел в БИНе отражало ситуацию в академии в целом — прерогативой женщин были низовые научные должности²².

Усилиями самих женщин их позиция постепенно укреплялась за счет повышения научной квалификации. В течение 1936–1939 гг. количество женщин — докторов наук удвоилось с двух до четырех, а кандидатов наук возросло с 16 до 23²³. Целенаправленной гендерной политики не проводилось. По наблюдениям исследователей, руководители науки и представители научного сообщества не стремились оказывать процессу феминизации большой поддержки, а по воспоминаниям современников — женщины в научном коллективе пользовались теми же возможностями, что и мужчины²⁴.

В кадровом составе БИНа также нашел отражение процесс урбанизации. В 1939 г. абсолютное большинство (74%) ученых, в противоположность научно-вспомогательному и техническому персоналу, были уроженцами городов, еще 9% — местечек, заводов, рудников, станиц и т. п., 14% составляли уроженцы сел и деревень. Среди ученых-«горожан» каждый четвертый был доктором наук, среди «селян» — только каждый шестой. При этом в предшествующие годы уроженцы городов и деревень поступали на работу приблизительно в равном количестве, что в итоге сместило общие пропорции в сторону увеличения представительства в институте перебравшихся в Ленинград жителей деревни. Сколько-нибудь

²² Подобный вывод делают также исследователи проблемы женщин в науке: [Валькова, 2020; Валькова, Любина, 2020].

²³ Общее число докторов наук в БИНе составляло в 1936 г. 20, в 1939 г. — 25 чел.; кандидатов наук в 1936 г. — 36, в 1939 г. — 63 чел.

²⁴ См. об этом в книге: Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская. СПб.: Изд-во ООО «Анатолия», 2013. 340 с.

серьезного переворота в этом вопросе на протяжении второй половины 1930-х гг. не произошло.

Поступление на работу в Ботанический институт было желанным карьерным этапом как для ученых, так и для вспомогательных и технических кадров. Удалось выявить 18 пар сотрудников, имевших родственные связи между собой: мужей и жен, родителей и детей, братьев и сестер, племянников, а также односельчан. В наибольшей степени это заметно в группе вспомогательного персонала. Родственники устраивались на работу обычно в течение нескольких месяцев друг после друга. Среди научного персонала известен лишь один случай совместной работы в БИНе супругов²⁵. Зачастую новые научные сотрудники поступали в штат по ходатайству кого-либо из уже работающих ученых²⁶.

На территории института располагалось общежитие, в котором проживала большая часть коллектива — 101 чел.²⁷ Это были небольшие по площади коммунальные квартиры; впрочем, не только приезжие, но и коренные жители Ленинграда жили в стесненных условиях, зачастую вместе с семьями родственников, отдельные дореволюционные квартиры удалось сохранить единицам²⁸.

Заработная плата в БИНе соответствовала оплате труда в других отраслях народного хозяйства СССР. К концу десятилетия старший научный сотрудник получал от 500 до 1000 руб. (в среднем 718), младший — от 252 до 600 руб. (в среднем — 495,5). Такой размер оплаты труда соответствовал зарплате советских служащих-специалистов, которая составляла в то время около 550 руб. в месяц. Именно к категории «служащие» советские ученые и принадлежали по своему актуальному официальному социальному положению. Таким образом, ведущие ученые имели зарплату, сравнимую с заработком представителей творческой и спортивной элиты, которые в те годы получали 800–1500 руб. в месяц, а доход начинающего ученого был соизмерим с оплатой труда квалифицированного рабочего, составлявшей 240 руб. [Головин, 2008, с. 182]. Зарплата руководителей научных секторов и отделов равнялась в среднем 1 035 руб. 29 коп., а начальников административных и хозяйственных подразделений — не превышала 750 руб.

Вспомогательные работники получали заработную плату от 115 — минимальная зарплата неквалифицированных рабочих в СССР — до 400 руб. в зависимости от должности и профессиональной подготовки. Приблизительно в этом же диапазоне оплачивался труд административного персонала — от 150 до 400 руб.

Директор получал 1 500 руб., его заместители — на 20–50% меньше. Для сравнения можно указать, что оклады директоров крупных предприятий в СССР в конце 1930-х гг. составляли 2 000 руб. [Там же].

Таким образом, привлекательность Ботанического института состояла не в финансовых возможностях, которые были типичными для страны во второй половине 1930-х гг.

²⁵ Речь идет о супругах Николае Адольфовиче и Елизавете Александровне Бушах.

²⁶ По воспоминаниям А.М. Семеновой-Тян-Шанской, таким образом в институт были приглашены Е.М. Лавренко, А.С. Лазаренко, Ф.Я. Левина, да и сама автор воспоминаний поступила в БИН по ходатайству отца. См.: *Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом*. С. 9, 239–248.

²⁷ По данным 1939 г.

²⁸ *Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом*. С. 253.

Коллектив был многонациональным с большим преобладанием русских (более 85%) как среди ученых, так и в общем числе сотрудников. За четыре года в этой статистике имели место естественные колебания, но серьезных изменений пропорций не произошло. Специфических особенностей в национальном составе ученых, вспомогательных и административно-хозяйственных сотрудников, которые были бы характерны для конкретной группы, нет. Данные о национальной принадлежности членов коллектива представлены ниже.

Табл. 1. Национальный состав Ботанического института (количество человек)
Tabl. 1. National composition of the Botanical Institute (number of people)

Национальность	1936 г.		1939 г.	
	В коллективе	Среди ученых	В коллективе	Среди ученых
Русские	333	90	408	101
Белорусы	14	4	21	6
Украинцы	8	2	12	4
Поляки	7	0	7	0
Немцы	7	5	6	3
Евреи	5	3	10	7
Латыши	4	0	1	0
Литовцы	3	0	2	0
Эстонцы	3	1	4	1
Грузины	2	2	0	0
Армяне	1	1	3	1
Финны	1	1	2	0
Татары	0	0	2	0
Нет данных	1	0	1	0

Общую обстановку и настроения в институте в значительной степени определяли процессы, происходящие в стране. Вторая половина 1930-х гг. — время масштабных политических репрессий, захвативших ученых наравне с другими кругами советского общества. Аресты сотрудников БИНа по политическим процессам случались и прежде²⁹, но в годы «большого террора» люди пропадали постоянно.

Первыми под репрессии попали научно-вспомогательные сотрудники. 26 апреля 1936 г. по обвинению в антисоветской пропаганде был арестован и приговорен к шести годам заключения садовод первого разряда Г.И. Лац³⁰. 7 июня 1937 г. был арестован заведующий оранжереей А.М. Ягелло³¹, через месяц — помощник ученого

²⁹ В 1919 г. был арестован ботаник-кавказовед Н.А. Буш, в 1932 г. под судебное преследование попал геоботаник и морфолог растений Д.Э. Янишевский — к рассматриваемому времени оба они были свободны от преследования и работали в БИНе.

³⁰ Через два года во время отбывания наказания в Соловецком лагере он попал под суд за контрреволюционную фашистскую агитацию среди заключенных, 14 февраля 1938 г. был осужден и 17 февраля расстрелян. Здесь и далее для уточнения сведений о судьбах репрессированных использованы материалы базы данных «Открытый список» [Электронный ресурс]. Режим доступа: Открытый список (openlist.wiki) (дата обращения: 25.04.2022).

³¹ 31 августа 1937 г. он был осужден по обвинению в антисоветской пропаганде и 15 сентября расстрелян в Ленинграде.

садовода В.А. Абрамчик³². Еще месяц спустя — заведующий оранжереей И.А. Шипольский³³.

17 сентября 1937 г. под уголовное преследование попал ученый специалист, кандидат наук Ф.В. Самбук. Его судили по обвинению в шпионаже и контрреволюционной пропаганде. Судьба его точно не известна до сих пор. 11 февраля 1938 г. по обвинению в измене Родине был арестован старший экскурсовод Н.Р. Каминский³⁴.

Попал в число репрессированных и директор БИНа доктор наук Ю.Д. Цинзерлинг³⁵, занявший свой пост несколькими месяцами ранее, вскоре арестовали работавшую с ним над рельефной картой растительности СССР художницу Б.К. Креслинг³⁶.

Кроме того факта, что большинство репрессированных относились к числу вспомогательных кадров, обращает на себя внимание их национальный состав: Г.И. Лац — латыш, А.М. Ягелло, В.А. Абрамчик и И.А. Шипольский — поляки, Ф.В. Самбук — белорус, Б.К. Креслинг — немка, Ю.Д. Цинзерлинг и Н.Р. Каминский — русские. Национальная принадлежность пострадавших подтверждает наблюдения исследователей, отмечающих высокую частоту смертных приговоров представителям именно этих национальных групп [*Лягушкина*, 2012, с. 37].

Кадровая политика в области науки приносила результат. Кадры пролетарской коммунистически настроенной молодежи целенаправленно готовились к замещению руководящих постов и перехвату эстафеты научного первенства. Ко второй половине 1930-х гг. молодежь еще не заняла уверенных позиций, руководство направлениями оставалось в руках крупных ученых старшего возраста. Изменение социальных характеристик научного сообщества происходило мягко, можно даже допустить, что были предприняты специальные искусственные меры для преодоления очевидного разделения на молодых советских ученых и ученых «старой школы», для чего была изменена сетка должностей. Если разница в среде ученых постепенно сокращалась, то дистанция между ними и остальными работниками института как по уровню образования, так и по происхождению и оплате труда оставалась неизменной.

Статистика коллектива показывает, что на нем отразились все основные специфические особенности времени: процессы урбанизации, феминизации, репрессии, демографические кризисы. Тем или иным образом, но основная ударная сила науки в рассматриваемый период все-таки начала приобретать те социальные характеристики, которые ожидала от нее государственная власть.

³² Он был арестован 7 июля 1937 г. по обвинению в шпионаже и антисоветской пропаганде, осужден 25 августа и расстрелян 27 августа 1937 г. в Ленинграде.

³³ Он был арестован 13 августа 1937 г. по обвинению в антисоветской пропаганде, осужден 31 августа 1937 и расстрелян 15 сентября 1937 г.

³⁴ Он был осужден 31 августа 1938 г. и расстрелян 11 сентября.

³⁵ Он был арестован в июле 1938 г. и погиб, не дожив до суда, в ноябре 1939 г.

³⁶ Сведения о Б.К. Креслинг: *Семенова-Тян-Шанская А.М.* Записки о пережитом. С. 267.

Источники

Документы кадрового делопроизводства АН СССР // Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 411. Оп. 1 (1935). Д. 1–45; Оп. 11 (1936). Д. 4; Оп. 11 (1937). Д. 15; Оп. 11 (1938). Д. 35; Оп. 11 (1939). Д. 5.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советский Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО. 26 января 1934. № 3. С. 63–66.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская. СПб.: Изд-во ООО «Анатолия», 2013. 340 с.

Шипчинский Н.В. Воспоминания по революционной истории БИНа / Подг. к печ., вступ. ст. и комм. Д.В. Гельтмана, М.П. Андреева // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 74–89.

Литература

Баранов Е.Ю. Потери населения России в XX веке: оценки и дискуссии в современной историографии // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. С. 17–29.

Валькова О.А. Советская женщина-ученый через двадцать лет после введения декретов о равноправии: первые итоги // Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX — начале XXI в. Материалы II Международного форума историков, философов и публицистов. К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина / Под ред. А.В. Кобзева, Н.В. Липатовой, С.А. Прокопенко. Ульяновск: Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических исследований Ульяновской области», 2020. С. 213–215.

Валькова О.А., Любина Г.И. Равноправие в науке: плюсы и минусы, или процесс трансформации женщины-любителя наук в научного сотрудника в 20-е гг. XX в. // Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. М.: РГГУ, 2020. С. 52–74.

Гельтман Д.В. Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 35–60.

Головин С.А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20-е — 30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (66). С. 177–186.

Змеев В.А., Карпекин В.Е. Высшая школа и армия: история отношений // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 144–150.

Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 30–43.

Маркин В.Л. Профессора и студенты Московского университета и начало Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 63–65.

Погребинская В.А. Демография и индустриализация на рубеже XIX и XX вв. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX — начало XX века) // Российское предпринимательство. 2008. № 10 (1). С. 52–57.

Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences in the Second Half of the 1930s as a Social Phenomenon

TAT'YANA N. LAPTEVA

Archive of the Russian academy of sciences,
St. Tikhon's orthodox university for the humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: lapti-stv@yandex.ru

The article examines the social characteristics of the staff of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1930s. The author used statistical methods of history to study data and traditional methods of historical research. The Botanical Institute of the Academy of Sciences of the USSR at that time was the largest scientific academic institute. The article is devoted to the study of the Botanical Institute as a social phenomenon. The purpose of the article is to describe the social, gender and age composition, skill level, origin, party membership of employees, proportions of scientific and support staff and other features of the team. The main source was the lists of the staff of the Botanical Institute. The lists were very detailed, they were submitted to the Personnel Department of the Academy of Sciences annually. The author also used official records and memoir sources. The article shows the process of implementation and the results of the state personnel policy in the field of science, describes the social groups in the staff of the Institute, shows how the process of forming a new image of the Soviet scientific team took place. The article shows how the institute was affected by the processes of feminization, urbanization, repression and demographic crises. Much attention is paid to the description of the scientific part of the staff, as well as the social characteristics of the scientific, auxiliary and administrative staff are shown. It was found that in the mid-1930s, older scientists and young researchers were two groups whose social characteristics differed significantly, by the end of the decade the differences between them had decreased.

Keywords: social history of science, USSR Academy of Sciences, Botanical Institute, scientific team, scientific institute, researcher, scientific support staff, social group.

References

Baranov, E.Yu. (2018). Poteri naseleniya Rossii v XX veke: otsenki i diskussii v sovremennoy istoriografii [Population losses in Russia in the twentieth century: assessments and discussions in modern historiography], in *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya. Sbornik statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Demographic and family policy in the context of the Sustainable Development Goals. Collection of articles of the IX Ural Demographic Forum] (pp. 17–29), Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN (in Russian).

Dokumenty kadrovogo deloproizvodstva AN SSSR [Documents of personnel records management of the USSR Academy of Sciences], in *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk* [Arhiv of the Russian Academy of Science], f. 411, op. 1 (1935), d. 1–45; op. 11 (1936), d. 4; op. 11 (1937), d. 15; op. 11 (1938), d. 35; op. 11 (1939), d. 5.

Gel'tman, D.V. (2014). Neprostoye ob'yedineniye Botanicheskogo sada i Botanicheskogo muzeya v Botanicheskii institut [The difficult unification of the Botanical Garden and the Botanical Museum into a Botanical Institute], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 6 (3), 35–60 (in Russian).

Golovin, S.A. (2008). Imushchestvennaya differentsiatsiya dokhodov naseleniya SSSR v 20-e — 30-e gody XX veka [Property differentiation of income of the population of the USSR in the 20s — 30s of the twentieth century], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 11 (66), 177–186 (in Russian).

Lyagushkina, L.A. (2012). Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): analiz bazy dannykh po knigam pamyati Nizhegorodskoy oblasti [Social portrait of the repressed during the Great Terror (1937–1938): analysis of the database of memory books of the Nizhny Novgorod region], *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*, no. 1, 30–43 (in Russian).

Markin, V.L. (2017). Professora i studenty Moskovskogo universiteta i nachalo Pervoy mirovoy voyny [Professors and students of Moscow university and the beginning of the First World War], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 11, 63–65 (in Russian).

Pogrebinskaya, V.A. (2008). Demografiya i industrializatsiya na rubezhe XIX i XX vv. Dinamika i demograficheskaya struktura naseleniya kak faktor nachala industrializatsii Rossii (poslednyaya tret' XIX — nachalo XX veka) [Demography and industrialization at the turn of the XIX and XX centuries. Dynamics and demographic structure of the population as a factor of the beginning of industrialization of Russia (the last third of the XIX — early XX century)], *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*, no. 10 (1), 52–57 (in Russian).

Postanovleniye Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 13 yanvarya 1934 goda № 79 “Ob uchenykh stepenyakh i zvaniyakh” [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of January 13, 1934 No. 79 “About academic degrees and titles”], in *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, izdavayemoye Upravleniyem delami Soveta narodnykh komissarov Soyuza SSR i STO*. 26 yanvarya 1934 [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics, published by the Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR and SRT. January 26, 1934], no. 3, 63–66 (in Russian).

Semenova-Tyan-Shanskaya, A.M. (2013). *Zapiski o perezhitom*, S.-Peterburg: Izd-vo OOO “Anatoliya” (in Russian).

Shipchinskij, N.V. (2014). Vospominaniya po revolyutsionnoy istorii BINa [Memoirs on the revolutionary history of the Botanical institute of the USSR Academy of Sciences], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 6 (3), 74–89 (in Russian).

Val'kova, O.A. (2020). Sovetskaya zhenshchina-uchenyy cherez dvadtsat' let posle vvedeniya dekretov o ravnopravii: pervyye itogi [A Soviet scientist woman twenty years after the introduction of equality decrees: first results], in *Lenin... Istoriya, pamyat', obraz: transformatsiya istoricheskoy pamyati v prostranstve regionov v XX — nachale XXI v. Materialy II Mezhdunarodnogo foruma istorikov, filosofov i publitsistov. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Lenina* [Lenin... History, memory, image: transformation of historical memory in the space of regions in the XX — early XXI century. Materials of the II International Forum of Historians, Philosophers and Publicists. To the 150th anniversary of the birth of V.I. Lenin] (pp. 213–215), Ul'yanovsk: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya “Tsentr strategicheskikh issledovaniy Ul'yanovskoy oblasti” (in Russian).

Val'kova, O.A., Lyubina, G.I. (2020). Ravnopraviye v nauke: plyusy i minusy, ili protsess transformatsii zhenshchiny-lyubitelya nauk v nauchnogo sotrudnika v 20-e gg. XX veka [Equality in science: pros and cons, or the process of transformation of a female amateur of sciences into a researcher in the 20s of the twentieth century], in *Sovetskaya gumanitaristika: mechty i pragmatika v 1920–1950-e gg.* [Soviet humanities: dreams and pragmatics in the 1920s–1950s.] (pp. 52–74), Moskva: RGGU (in Russian).

Zmeev, V.A., Karpekin, V.E. (2002). Vysshaya shkola i armiya: istoriya otnosheniy [High school and the army: a history of relations], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 5, 144–150 (in Russian).